
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК МЕТОД НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ (ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ АНТИПОДОМ «ЗАПАДНОЙ» ЦИВИЛИЗАЦИИ?) ЧАСТЬ 2

В.В. Еремян, А.А. Клишас

Кафедра конституционного права и конституционного судопроизводства
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу тенденций, все более отчетливо проявляющихся в исследованиях зарубежных (прежде всего европейских и североамериканских) ученых, некритические оценки которых лишь усугубляют системный кризис, охвативший многие сферы общественных отношений, значительно усугубляющий фундаментальные противоречия между Западом и Востоком. Используя методы историзма и компаративизма, констатируется перманентное углубление стагнации «западной» модели демократии (как с социально-экономической, так и политической точки зрения), в течение нескольких веков являвшейся «локомотивом» христианской цивилизации, место которой заняли идеологические, этические, профессиональные суррогаты мультикультурализма и толерантности. По мнению авторов, парадокс состоит в том, что кризис, охвативший важнейшие сферы публичных и частноправовых отношений, обусловлен рядом факторов, вытекающих из процесса либерализации тех областей человеческой деятельности, табуированный характер которых еще несколько десятилетий назад не вызывал никаких возражений. Глобализация — как системообразующий процесс — способствовала актуализации такого явления, как «правовой империализм» (составным элементом которого следует рассматривать «правовой колониализм»), ответом на который стала масштабная радикализация террористических организаций, религиозного фанатизма и националистического экстремизма. К сожалению, ни англосаксонская, ни континентальная системы права (не говоря уже о международном праве), несмотря на отдельные положительные тенденции, не сумели адекватным образом ответить на требования дня, тем самым лишь усилив негативную составляющую «западной» цивилизационной парадигмы. Помимо Северной Африки наиболее отчетливо это проявилось на Украине, ученые которой, игнорируя теорию и практику исторического процесса, активно переписывают и редактируют историографию «самостийной государственности», стремясь тем самым оправдать «востребованность» февральского государственного переворота, что пользуется поддержкой со стороны зарубежных исследователей, все чаще актуализирующих механизмы подобного рода для оправдания русофобских концепций и антироссийских доктрин. Не желая отказываться от практики двойных стандартов, представители западной научной мысли продолжают оказывать мощное идеологическое давление на тех, кто традиционно ассоциируется с так называемым электоратом, в своей основной массе поверхностно знакомым с историей даже собственных стран. Пропаганда подменяет собой науку, ставя во главу угла широкий набор ми-

фологем, презумпций и голословных констатаций, которые уже никто не подвергает сомнению. Цель статьи — используя методологию сравнительно-правового анализа, показать ложность научных и мировоззренческих стереотипов, сложившихся как в зарубежном, так и отечественном государствоведении.

Ключевые слова: Российская Федерация, «западная» цивилизация, двойные стандарты, гражданское общество, российская самобытность, компаративизм.

Трудно не согласиться с тем, что обществу (причем не только вставшему на путь демократических преобразований) необходимо выбирать будущее на основе адекватного понимания собственного прошлого, каким бы «непредсказуемым» оно — в целом или отдельных деталях — не казалось и какие бы комплексы и фобии это не вызывало у всего «прогрессивного человечества». Парадокс состоит в том, что «адекватность» — понятие относительное, в связи с чем, в зависимости от статуса участников государственного строительства, нередко носит вариативный характер, удовлетворяя одних и не корреспондируя потребностям (личным, корпоративным) других.

Для достижения общественного компромисса заинтересованным сторонам требуется преодолеть иногда по существу непреодолимое безразличие основной массы населения, относящегося с одинаковым скепсисом как к прошлому, так и к будущему своей страны. И никакие заклинания об исторической судьбе «Богом избранного народа» и предопределенности соответствующего вектора развития не помогут, если в обществе, несмотря на его «возраст» и состояние «внутренних органов», полностью отсутствует пассионарный элемент, способный в кратчайший срок качественным образом изменить ситуацию. Не надо обольщаться тем фактом, что вакантное место еще долго могло быть свободным, так как альтернативу (речь, несомненно, идет об Украине) даже не пришлось искать: на авансцену вышел «призрак из далекого прошлого» в лице доморощенного националиста-люстратора, идейного последователя Степана Бандеры и потомка «великого укра». Итог (как бы к нему не относиться) вполне предсказуем: о государственной состоятельности, к сожалению, приходится говорить, используя сослагательное наклонение.

Ревизии подвергаются не просто отдельные, выборочные, ангажированные, традиционно дискуссионные сферы политических и экономических отношений, а в научный оборот — без системной, предметной оценки — вводится преимущественно сомнительного свойства «информация», взятая из непонятно каких источников и не подтвержденная документально и материально. Переписываются целые разделы, не отвечающие «требованиям дня», на свалку истории выбрасываются культуры, народы, цивилизации.

Концептуальная несостоятельность, аргументами которой *de facto* выступают безапелляционность, цинизм и эпатаж, не только бросается в глаза обычному читателю, отдающему предпочтение исторической литературе, далекому от проблем современной науки, но и не выдерживают даже самой снисходительной критики. Но сделать уже ничего нельзя: учебник написан, напечатан и поставлен на полку библиотеки или книжного магазина. Эстафету мифотворчества принимают политики, юридически формализуя «достижения» ученых в

нормативно-правовые акты и судебные решения. Проходит несколько лет, и мало кому известное до этого слово «майдан» приобретает для экзальтированных европейцев сакральный смысл. Самое страшное состоит в том, что о последствиях никто из них не задумывается.

Должен ли в этом случае компаративист или историк государства и права индифферентно относиться к тем тенденциям, актуализация которых становится все более очевидной парадигмой, какой бы фундаментальной проблемы, стоящей в «повестке дня», мы не коснулись? Как воспринимать во многом небезуспешные попытки отредактировать историю (не только национальную, но и мировую), все чаще используя для этой цели методологию двойных стандартов, фальсификации, откровенной лжи и подтасовки фактов? Наконец, востребованы ли вообще на стадии постмодернизма профессиональный ученый, одной из традиционных обязанностей которого всегда считался поиск приемлемых ответов на вопросы, лишь на первый взгляд представляющиеся дилетанту и поверхностно образованному чиновнику от науки современными?

Вывод, в целом исключительно пессимистичный, напрашивается как бы сам собой: некомпетентность как критерий оценки так называемых «элит» во многих случаях носит объективный характер, обусловленный целым рядом причин, прежде всего — кризисом современной модели западной демократии. Достаточно посмотреть на тех, кто в настоящее время находится на вершине политической власти, чтобы понять, как за последние десятилетия деградировал правящий класс. Благодаря отлаженным механизмам электоральных процедур, в том числе пропорциональной системе формирования законодательных (представительных) органов, социальный лифт уже не работает в институциональном режиме, позволяющем без эксцессов и потрясений вносить коррективы и обновлять состав «избранников народа».

На наш взгляд, важнейшим фактором снижения иммунитета, позволявшего успешно бороться с взаимосвязанными процессами мифотворчества и стагнации населения, следует рассматривать снижение уровня профессиональной подготовки преподавательского сообщества. Что, с одной стороны, не могло не отразиться на беспрецедентном падении интереса к истории (как науке и учебной дисциплине), и Россия на определенном этапе не стала каким-то исключением, с другой — бурном росте всевозможных теорий, абсурдность и деструктивность которых практически мало кого беспокоила.

Примечательно, что возрождение повышенного внимания к отечественной истории возникает, как правило, в периоды острейших социально-политических кризисов, когда по тем или иным причинам вдруг обнаруживается, что государственная власть не в состоянии осуществлять эффективное управление большинством сфер общественной жизни в шаблонных рамках институционально сложившихся публично-правовых механизмов. Нечто подобное наблюдалось как на рубеже XIX–XX вв., так и в конце ушедшего столетия.

Всплеск внимания к истории государства и права, имевший место при переходе к строительству «светлого капиталистического общества», объективно во многом вызванный реакцией на авторитарно-тоталитарный режим «совет-

ского образца», вполне объясним и понятен. Так, одни в прошлом искали то, что нас объединяло с «Западом», сохраняя национальную самобытность и своеобразие, другие — стремились найти подтверждение тому, что ни о каких общепризнанных демократических институтах и ценностях, применительно к Руси–России, говорить не приходится, что изначально мы «нация рабов», место которой в лучшем случае на периферии европейской цивилизации. В свою очередь, осознание того, что мы нежелательные гости на «празднике толерантности и вседозволенности», качнуло маятник в другую сторону, предоставив возможность взглянуть на «пример для подражания» с учетом вновь открывшихся обстоятельств.

Поэтому для ученого-компаративиста, пытающегося каким-то образом ответить на вопросы, в своей основе имеющие определенный нравственный резонанс, нет ничего сложнее и неблагодарнее, чем, всесторонне проанализировав соответствующую проблему (какой бы злободневной, диссонантной она ни была), сделать общественно здравые выводы, которые удовлетворили бы всех.

Вместе с тем нельзя не признать, что для подобных периодов характерен и кризис господствующей правовой идеологии, опирающейся на фундаментальные мировоззренческие концепции и учения, выход из которого зависит в том числе от их способности адаптироваться к новым историческим условиям (1).

В контексте сказанного еще рельефнее проявляется дифференциация, с какой относятся европейские и североамериканские исследователи к действиям, направленным на переосмысление базовых характеристик, лежащих в основе общепризнанных, не вызывавших (каких-то десять-пятнадцать лет назад) сомнений оценок результатов Второй мировой войны на фоне того, как чрезвычайно болезненно воспринимаются попытки представителей многочисленных «новых версий» истории (от академика А.Т. Фоменко [16] и его последователей до В.Н. Демина [6], Ю.Д. Петухова [16; 17; 18], С.И. Валянского [3; 4], Д.В. Калужного, Яр. А. Кеслера [10]) внести соответствующие «коррективы», например, в античный или средневековый период развития «западной» цивилизации.

Получается, что в медиевистике и истории государства и права есть запретные темы, трогать которые нельзя ни при каких условиях, а есть события и факты — подверженные полной или, по крайней мере, существенной ревизии (более того, обструкции). К чему это может привести — свидетельствуют «арабская весна» и «украинская зима», со всей очевидностью обнажившие такие масштабные, системные, по ряду аспектов непреодолимые противоречия между так называемым «золотым миллиардом» и развивающимися странами (в большинстве своем бывшими колониями), о которых, казалось бы, уже начали забывать. И право в данной ситуации ничего не сумело предотвратить.

Нередко можно услышать, что история все чаще становится заложницей политики (вернее — политиков, если не политиканов!), в связи с чем тенденции, наблюдаемые в научных кругах отдельных стран, не перестают удивлять, вызывая стремление каким-то образом противодействовать этому процессу.

Как ни странно, но в качестве своего рода конструктивной реакции приводится аргумент, исходя из которого оппоненту внушается мысль о том, что

двойные стандарты, презумпции, штампы и фальсификации имманентно присущи методологии научного анализа, лежащего в основе указанной сферы общественных отношений. Причем сказанное относится не только к России как правопреемнице древнерусского государства, где редактировать летописные своды начали еще в период правления первых киевских князей и достаточно активно пользовались подобными механизмами позднее, в том числе в эпоху ордынского господства, царствования Романовых и годы советской власти, но и к подавляющему большинству современных демократий. В этом есть своя логика, так как вряд ли найдется государство, существующее несколько веков, прошлое которого не содержит белых пятен и темных страниц, законодательных актов и судебных решений, не соответствующих их классическому, «витринному» имиджу. Не секрет, что одни из них относятся к проблемам такого рода если не индифферентно, то по крайней мере спокойно (изменить либо откорректировать все равно не получится), другие — весьма болезненно, особенно в тех случаях, когда воспринимают и экстраполируют себя вне пределов национальной юрисдикции не иначе, как «примером для подражания».

Общеизвестно, что историю всегда пишут победители, кем бы они ни были — египетскими фараонами, римскими полководцами, ацтекскими императорами или средневековыми конкистадорами и рыцарями, не говоря уже о тех, кто пришел к власти в результате социальной революции и гражданской войны. Однако парадокс состоит в том, что все, подпадающее под определение «варварский», «жестокий» «кровавый», «бесчеловечный», «антинародный», «тоталитарный», ассоциируется исключительно с нашей страной, какое бы официальное название она ни носила. И никакие примеры, иллюстрирующие реальные события, имевшие место в Англии, Франции, Испании, Голландии, Бельгии, Португалии и их заморских колониях, не в состоянии поколебать констатации, введенные в научный и публицистический оборот уже двести-пятьсот лет назад. Тем самым, что бы мы не предпринимали, стремясь преодолеть перманентный кризис взаимонепонимания между «Западом» и «Востоком», любые попытки будут наталкиваться на стену двойных стандартов и стереотипов, посредством которых европейскому и американскому электорату навязываются ложные представления о русском народе и русской цивилизации.

Нельзя не отдать должное тому, как «Запад» (прежде всего ангlosаксы и их сателлиты), в отличие от всех остальных, умеет преподнести окружающему миру даже обычные, тривиальные вещи, возведя в гипертрофированный абсолют свои заслуги (инициативы, решения, институты), одновременно подвергнув ostrакизму аналогичные действия, осуществленные кем-то другим.

К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин, у оппонентов (в том числе России) не всегда получается адекватным образом концентрировать интеллектуальные и духовные ресурсы, держать удар и на равных конкурировать в тех областях, где гегемония пресловутых «западных ценностей» не так ощутима, традиционна и масштабна, как в прочих сферах общественных отношений. Страх быть непонятыми превалирует над желанием сохранить национальную самобытность и здоровый консерватизм, провоцируя власть

и гражданское общество нестандартно реагировать на попытки внешнего давления, каких бы «благих» конечных целей оно не преследовало.

Очень сложно доказывать правоту при условии тотальной «приватизации» со стороны отдельных государств первенства во всем, о чем бы конкретном ни шла речь на уровне научной дискуссии, в университетской аудитории или в средствах массовой коммуникации, начиная с отмены смертной казни, реформирования дошкольного образования, гуманизации пенитенциарной системы и заканчивая статусом всевозможных «меньшинств». Причем главную роль, какая бы «пьеса» (драматическая, комедийная, лирическая) не ставилась на сцене исторического процесса, преимущественно играют одни и те же «голливудские звезды», которым — чаще всего — ассистирует одна и та же разношерстная массовка, одни и те же статисты и актеры второго плана. И не важно, что «*Habeas corpus act*» был принят на сто двадцать лет позднее «Судебника» Ивана IV, а институты древнерусской полисной демократии ни в чем не уступали лучшим европейским образцам (более того, во многом их превосходили), *a priori* делается вывод: «мы» — всегда учителя, «вы» — всегда ученики. Чтобы ни у кого не возникало сомнений, в руках у учителя, в зависимости от ситуации (эпохи, периода), кнут либо пряник, используемые для достижения необходимых результатов, будь то ирландские католики, усмиренные диктатором Кромвелем, утопленная в крови провинция Вандея, рабовладельческие штаты, входившие в Южную конфедерацию, или восстание сипаев. Естественно, на этом примеры не заканчиваются и их перечень можно продолжать по существу до бесконечности, иллюстрируя не только кострами инквизиции и региональной спецификой первоначального накопления капитала, но и тем, как у американских индейцев и аборигенов Австралии популяризировалась протестантская этика или христианские догматы римской канонической церкви.

Следует признать, что двойные стандарты, штампы и стереотипы являются обычной практикой и для отечественной компаративистики и истории государства и права, так как рефреном проходят через исследования многих дореволюционных, советских и современных авторов. Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от некоторых стран «Запада», активно использующих механизм запретов и табу (в отношении «болезненных» и «проблемных» тем), аналогичная методология не пользуется успехом у большинства ученых.

Вне всякого сомнения, на той или иной стадии государственного строительства (и ушедший XX век лишь на первый взгляд кажется уникальным) политика подменяла собой науку, перенося акценты с одних событий и персонажей на другие, концептуально обосновывая наличие даже тех тенденций, о которых не могло идти речи в принципе (теоретически). Однако в целом преемственность сохранялась, и вакуум, объективно возникший на каком-то этапе, со временем заполнялся, невзирая на мощное противодействие со стороны и внутренних, и внешних «доброжелателей», чем отчасти и объясняется эклектика, характерная для историографии последних десятилетий.

Но и на этом фоне выделяется группа вопросов (мы намеренно оставляем за скобками общеизвестные проблемы советского периода), по которым, не-

смотря ни на что, по-прежнему так и не достигнут приемлемый компромисс (не говоря уже о консенсусе). Речь идет, в терминологии ряда исследователей, о так называемых «священных коровах»: призвании на северо-запад Руси конунгов-правителей «из-за моря» (по существу, привнесенном алгоритме государства и права), многовековом татаро-монгольском иге, опричнине Ивана IV (закономерным итогом которой стала Смута) и преобразованиях Петра I (поставивших патриархальную страну на путь европейского развития). Парадокс состоит в том, что по всем указанным вопросам между российскими и зарубежными историками общий знаменатель давно найден.

Важнейшим критерием, позволившим (как правило, не проводя параллелей с тем, что имело место на «Западе») договориться, был выбран конечный результат тех процессов, в основе которых лежала соответствующая парадигма, вызванная или обусловленная одним из явлений, обозначенных выше.

Примечательно, что в отношении Руси–России традиционно используется снисходительная тональность, характерная для «учителя» и «ученика», вынуждающая постоянно оправдываться, в том числе в ситуациях, когда факты говорят сами за себя. Предельно отчетливо, на наш взгляд, это прослеживается на примере Англии (хотя список стран намного обширнее), пережившей в свое время несколько периодов внешнего воздействия — от частичной романизации до полной трансформации ранней государственности, вызванной нашествием саксов и всевозможных «северных варваров» [13] (норманнов, викингов). В этом же ряду стоят и национальные герои, типа многоженца Генриха VIII и Елизаветы Девственницы, современников Ивана IV Грозного, считающегося, в отличие от «миролюбивых» монархов с Туманного Альбиона, одним из самых [7; 14] одиозных правителей того времени.

Так, если на великого князя московского («царя всея Руси») вешают каких угодно собак (от неадекватности до патологического садизма), то в отношении его британского аналога пытаются найти исторические, геополитические, нравственно-этические аргументы, оправдывающие его поведение.

Никак не меньше усилий (от которых за версту «попахивает» банальной пропагандой, достаточно посмотреть хотя бы один из шедевров кинематографа) прилагается для того, чтобы еще более приукрасить (внешний аспект в данном случае играет вспомогательную роль) образ победительницы испанской армады, не согласившейся помимо прочего вступить в брак с Иваном IV.

Сопоставимые технологии используются и при оценке прихода на Русскую землю орд скотоводов-кочевников и последствий многовекового ига, в результате которого (начиная с Н.М. Карамзина, отечественные историографы, как правило, солидаризируются с такого рода выводами и презумпциями) общество было отброшено в догосударственную стадию. При этом по какой-то причине не учитывается тот факт, что расцвет городов-государств северо-запада, в частности Великого Новгорода, Пскова, Вятки, Полоцка (с территорией от Балтики до Югры и Оби, по суммарной площади превышавшей совокупность западно-европейских стран), и непосредственных форм демократии приходится именно на период так называемого «азиатского господства».

Сказанное ранее относится и к процессу становления и развития феодальной социально-экономической формации (наряду с монархической формой правления), который, благодаря академику Б.Д. Грекову и апологетам «единственно верного учения», корнями уходит ни много ни мало в стадию складывания первичных элементов древнерусской государственности.

Какие бы теоретические конструкции при этом не использовались — раннефеодальное, полуфеодальное государство, они не отражали особенностей эволюционной парадигмы, в масштабах которой *de facto* осуществлялся постепенный переход от родоплеменных отношений («сложных вожеств» — compounds) к социальной организации, основанной на территориально-соседских связях, в связи с чем концепция, разработанная в начале 30-х гг. прошлого века, трещит по швам и не выдерживает критики.

Многие проблемы, о которых идет речь в настоящей статье, в силу целого ряда причин традиционно носят острый дискуссионный характер и, безусловно, будут подвергнуты жесткой критике со стороны наших оппонентов (особенно сторонников либерально-ортодоксальных учений). Это касается в том числе авторского понимания этапов генезиса древнерусской и средневековой государственности и сложившихся в конкретном историческом периоде социальных и публично-правовых отношений. Поэтому представляется вполне уместным обозначить некоторые научно-концептуальные предпочтения, тем самым как бы провоцируя возможную в последующем полемику.

Думается, что достаточно трудно оспариваемым является тот вполне очевидный факт, что современная наука о государстве и праве перенасыщена концепциями общетеоретического характера. Мы не будем критически оценивать причины, с которыми это связано, а лишь попытаемся в самых общих чертах проиллюстрировать собственное (не исключено, субъективное) понимание тех или иных проблем, обусловленных спецификой процесса государственного строительства.

Ушедший XX в. в определенной мере может служить своего рода «эталонном» того, как юридическая наука стремилась подогнать сформировавшийся на огромных пространствах России государственный строй (как советского, так и постсоветского образца) под соответствующую «единственно верную» теорию, способную ответить на любой вопрос, при этом шарахаясь из одной крайности в другую, иногда заимствуя не просто чужое, а чуждые традициям, обычаям, верованиям, менталитету многонационального народа нашей страны. Однако если быть до конца объективными, то многое становится более понятным, с чем, естественно, никогда не согласятся некоторые ученые-теоретики. Как писал в 1912 г. дореволюционный компаративист Н.А. Захаров, «...мы не имеем самостоятельного взгляда в своей политической и юридической науке, а лишь копируем в большинстве случаев воззрения западных теорий, забывая слова одного из видных представителей науки Л. фон Штейна: «В земле и народе государство имеет свою индивидуальность... Такое индивидуальное образование своей естественной жизни принадлежит каждому государству...» (2).

В той или иной степени разделяя подобную точку зрения, вместе с тем нельзя не отметить следующего факта. Наука вообще и государствоведение в

частности по своей сути изначально несут в себе известный элемент «глобальности» («космополитичности», если использовать терминологию отдельных авторов), заимствования и компаративизма. Тем самым юридические науки, так же как политические и социологические, в рамках методологии критического сравнительно-правового анализа позволяют всесторонне исследовать то общее, схожее, идентичное, чем характеризуются иногда весьма далекие друг от друга общественные институты и государственные образования.

Говоря в связи с этим о процессе феодализации Киевско-Новгородской Руси, необходимо признать, что традиционно большинство советских и современных историографов, опираясь на рассказ составителя начального свода о том, что «...нача княжити Володимер в Киеве един», считает древнерусское государство времен Владимира Святославича (Святого) раннефеодальной монархией: «Это определение достаточно условно, — подчеркивает Н.Ф. Котляр, — поскольку первые ростки нового, феодального способа производства на Руси можно разглядеть разве что во второй половине его княжения... Историческое значение личности Владимира состоит, кроме прочего, и в том, что в его княжения государство вступило в эпоху генезиса феодальной формации...» [15].

Со времени прихода к власти Ярослава Владимировича (Мудрого) Русь воспринимается уже не только вполне сложившейся раннефеодальной монархией («перяя власть его всю Ярослав, и бысть самовластец Русьстей земли», — фиксирует это событие летописец-компилятор), но и формой правления с элементами наследственного характера: «...Ярослав же седе Кыеве на столе отни и дедни», — читаем в «Повести временных лет» [20].

Во-первых, напомним, что Б.Д. Греков и многочисленные представители его научной школы рассматривают (кто-то до сих пор!) в контексте одновременных два процесса социально-экономического развития: разложение родоплеменных отношений и формирование классового (антагонистического) общества, при этом завершение распада архаичной общественной формации воспринималось и концептуально-теоретически обосновывалось как начало качественно новой — феодальной — формации.

Между тем сравнительный анализ генезиса феодализма на примере крупнейших раннесредневековых западноевропейских государств позволил ряду отечественных исследователей (А.И. Неусыхину, А.Я. Гуревичу [5], позднее И.Я. Фроянову) сформулировать вывод принципиально иного содержания — о наличии не только переходных форм к феодализму, но и известного переходного периода, следующего за первобытнообщинным строем.

Иными словами, в рамках генезиса социально-экономических отношений феодализму непосредственно предшествует не первобытность (с характерной для нее семейно-родовой общиной), а общинность без первобытности, то есть такой общественный строй, где не только со временем отмирают родовые пережитки-рудименты, но где доминируют более высокие коллективные формы — земледельческая община, переходящая в соседско-территориальную (сельскую и полисную).

Во-вторых, даже с учетом того важного обстоятельства, что со временем княжеская власть приобретает наследственный характер, «условное», на наш взгляд, единовластие таких князей, как Владимир Святой или Ярослав Мудрый, было, скорее, исключением, чем устойчивой практикой осуществления публичных полномочий. Не секрет, что в годы правления каждого из них огромные территории древнерусского государства по-прежнему продолжали быть неосвоенными, властные и судебные институты (не говоря уже о системе сбора дани, податей и других платежей) действовали по-разному в тех или иных землях-волостях либо вообще не функционировали. Более того, в крупнейших социально-экономических и политических центрах Древней Руси — Киеве и Великом Новгороде — вакантные «столы» занимались вариативно и не так, как в остальных землях-волостях. В соответствии с «завещанием» Ярослава Мудрого 1054 г. в Киеве престол переходил лишь к старшему сыну («быть в отца место»), а в Новгороде правитель приглашался на княжение вечевым собранием (и не всегда из Рюриковичей). Поэтому применительно к Словено-Новгородской земле речь с определенного момента не шла о каком-то наследственном характере княжеской власти, которая, если говорить современным юридическим языком, скорее всего носила договорный статус и во многом была ограничена решениями вечевых институтов [8].

Стремясь теоретически обосновать (в некоторых случаях — вполне успешно) шаблонный алгоритм процессов социально-экономического развития, несмотря на отсутствие необходимых предпосылок, специфические черты и индивидуальные особенности, в целом характерные для европейского континента, автоматически переносились на регионы, в рамках которых генезис соответствующей формации *de facto* протекал в принципиально иных исторических условиях. При этом за скобки выводилось все самобытное и оригинальное, что в большей либо меньшей степени противоречило критериям, лежавшим в основе постулатов «единственно верного учения».

Использование — *a priori*, без достаточного источниковедческого и эмпирического материала — в отношении отдельных государственных образований или цивилизаций одних и тех же клише и штампов, как правило, способствовало не только созданию стойкой иллюзии, что человечество, качественно эволюционируя, движется к общей (абстрактной) цели, но и всегда проходит, этап за этапом, строго определенные стадии. Более того, был сделан вывод о том, что движение идет, хотя гипотетически допускались и исключения, с соблюдением известной очередности (дикость, варварство и далее по списку), нарушение которой могло в тех или иных случаях привести к весьма неожиданным (и даже непредсказуемым) результатам.

Аналогичным образом описывались тенденции, непосредственно связанные с перипетиями государственного строительства и формированием систем права.

Не отрицая фундаментального характера обобщений, сформулированных с учетом мнения «отцов-основателей» научного коммунизма, вместе с тем необходимо иметь в виду одно существенное обстоятельство (не отвергая того фак-

та, что теоретические конструкции К. Маркса и Ф. Энгельса в процессе их интерпретации нередко приобретали вульгарный оттенок).

В отношении большого числа «субъектов истории» подобная методология как минимум не сработала должным образом, о чем свидетельствуют исследования по проблеме так называемого «кочевого феодализма» (если использовать терминологию советских историографов) и специфике складывания у степных народов той или иной формы государственности. По известным причинам, в том числе длительному взаимодействию в пределах отдельных княжеств Русской земли оседлого и кочевого социального элемента, переоценка соответствующих концепций имеет для нас принципиальное значение.

Так, подчеркивая, что «в политическом развитии евразийских степей, похоже, действовала некая матрица...», В.В. Трепавлов пишет в одной из своих монографий: «Общеизвестно, что кочевая экономика была нестабильной, зависела от природных изменений и политических катаклизмов. Соответственно скотоводческим социумам была присуща и стадильная изменчивость. Существует много однотипных примеров выростания кочевых улусов в могущественные степные державы, которые впоследствии распадались и возвращались к исходной стадии кочевого улуса. Уже *a priori*, до конкретного рассмотрения каждого из таких образований, можно предположить, что в организации улуса содержался потенциал для превращения его в кочевую империю. Такой потенциал пребывал в «летаргии», в ожидании подходящих условий... Данное утверждение верно, очевидно, не только для кочевого общества. Но именно для него наличие черт, признаков, элементов, компонентов различных стадий развития было гораздо более актуальным, чем для оседлых цивилизаций. Когда совокупность земледельческих общин достигает уровня государственности, то черты предыдущих уровней развития (так называемые уклады) начинают постепенно отмирать за ненадобностью. Общество все жестче конституирует себя на новой стадии и совершенствует свое новое состояние. Следы предшествующей социальной истории понемногу хиреют и исчезают как пережитки... У кочевников же все по-иному. Они, проживая, например, в раннем государстве, не допускают отмирания признаков вожества, поскольку первая же пандемия чумы или вражеская агрессия способны уничтожить их нестабильную (по определению) государственную структуру, и им придется возвращаться на один из предыдущих этапов развития. Вся общественная организация степняков была объективно подготовлена к подобным перипетиям. Невостребованные до поры до времени схемы социального жизнеустройства откладываются в исторической памяти, обычном праве, героическом эпосе (как своде образцов для подражания предкам)...» [19].

Не менее схематично и однобоко по-прежнему воспринимается образ Ивана IV (известного в устной традиции с приставкой «Грозный»), так как в официальных документах дефиниция такого рода не встречается) и масштабных преобразований середины XVI в., инициированных великим князем московским. Имеющая место тенденциозность отчетливо прослеживается в подавляющем большинстве научных исследований, не говоря уже о публицистике и учебной

литературе, посвященных многолетнему периоду правления одного из последних Рюриковичей на русском престоле. В этой связи не может не вызывать сожаления стремление отечественных и зарубежных авторов сконцентрировать внимание исключительно на проблемах, каким-то образом связанных с опричниной, игнорируя — случайно или намеренно — все остальное. Достаточно обратиться к историографии, насчитывающей несколько тысяч наименований (на разных языках), чтобы найти подтверждение сказанному.

Не хотелось бы проводить параллелей с тем, как в Интернете и печатных средствах информации изображается и характеризуется действующий Президент Российской Федерации, однако аналогии напрашиваются как бы сами собой. Из тех же источников хорошо известно, благодаря кому в Европе раннего Нового времени сложился резко отрицательный имидж «царя всея Руси»: прежде всего речь идет о представителях папского престола, пытавшихся расширить влияние католицизма (3), и всевозможных искателях приключений, служивших при великокняжеском дворе по контракту (маргинальный статус некоторых из них очевиден). Субъективные оценки — налицо, однако несмотря ни на что, переломить ситуацию по-прежнему не удастся (не исключено, что в этом «кто-то» заинтересован?!), поэтому и кочует из издания в издание стереотип «правителя *le terrible*» [11; 12], в меру своих возможностей пытавшегося в одиночку противопоставить «Западу» только что вставшую с колен Московскую Русь [1; 2; 9] — наследницу Византийской империи.

Таким образом, у историка государства и права в распоряжении по существу имеется всего лишь один действенный и конструктивный механизм борьбы с двойными стандартами — компаративизм, при помощи которого профессиональный и национально ориентированный ученый сумеет успешно преодолеть тенденцию, обусловленную доминированием во многих сферах общественных и публичных отношений некомпетентных и поверхностно образованных граждан. Глядишь, со временем и к проблемам, связанным с организацией местного самоуправления (не говоря уже о юбилеях и памятных датах), начнем относиться более адекватно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Не исключено, что у наших оппонентов из среды «либеральной общественности» может возникнуть ощущение того, что кризис не преодолен, так как носит перманентный характер, вынуждая правящую элиту, игнорируя мнение этой части российского общества, искать на востоке полноценную замену западным ценностям. Как бы к этому не относились в Вашингтоне или Брюсселе, Россия — *de facto* крупнейшее европейское государство, культура которого оказала мощнейшее влияние на становление современной западной цивилизационной модели, впитав, в свою очередь, многое из того, с чем ассоциируются демократия, права и свободы человека и гражданина. Как ни парадоксально, но их уже сложно представить без общественных и публично-правовых институтов, впервые апробированных на территории нашей страны. Достаточно сравнить законодательство (хотя бы в трудовой, пенсионной или электоральной сфере отношений) советского периода с тем, чем так гордятся на «западе», чтобы понять, «кто» и «что» у кого заимствовал. Нам тут же возразят, обязательно напомнив о колхозах, ГУЛАГе, указе о колосках и прочих страшилках, оставив за скобками индейские ре-

зервации, сегрегацию по признаку расы и цвета кожи, ограничение избирательных прав женского населения, «коллегии выборщиков», подменяющие собой непосредственные формы электоральной демократии, и многое другое, о чем сейчас не принято публично дискутировать. Ко всему перечисленному, естественно, нельзя не добавить архаичное законодательство, институт смертной казни, по-прежнему действующий в 38 штатах из пятидесяти (причем за последние десятилетия их число только росло), наконец, рабство, являвшееся внеэкономическим принуждением в пятнадцати штатах в течение не одного десятка лет.

- (2) Проблема, о которой идет речь в процитированном фрагменте, имеет прямое отношение к теории происхождения древнерусского государства и права, актуализированной представителями немецкой исторической школы, подвергнутой резкой критике со стороны отечественных членов Российской академии наук, но по-прежнему пользующейся поддержкой в определенных научных кругах. Первыми, кто весьма активно выступил против концепции Байера-Миллера, изложенной в «диссертации» одного из них (в частности, авторской интерпретации терминов «варяги» и «руотси» с учетом их исключительно скандинавских корней), были В.К. Тредьяковский и М.В. Ломоносов. Так, великий ученый-энциклопедист, не скрывая иронии («дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы...»), — писал он, сравнивая Г.З. Байера с окулившим себя жрецом-шаманом), обратил внимание на тот факт (игнорируемый многими норманистами), что «...на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования». С точки зрения М.В. Ломоносова, не менее важно и то, что «почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако, следует ли из того, чтобы они были греки и евреи и говорили бы по-гречески, или по-еврейски?». Наконец, указывая на почти полное отсутствие в русском языке германизмов, исследователь резюмирует, что подобное было бы, практически невозможно в том случае, если бы «русь» или хотя бы только «варяги» являлись скандинавским либо германским народом. Более того, невероятным следует считать и тот факт, что «два народа, славяне и варяги, бросив свои прежние имена, назвали себя новым, не от них происшедшим, но взятым от чухонцев...». Отвергая в качестве аналогии названия «Англия» и «Франция», предложенные Г.Ф. Миллером, он констатировал, что «...пример англичан и франков... здесь присовокупленный, ни в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит: ибо там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но все от чухонцев...» (Цит. по: Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. — М.-Л., 1952. — С. 30–31). Не вдаваясь в подробности данного вопроса, обратим внимание на одно обстоятельство. Многие западноевропейские филологи и лингвисты на протяжении довольно длительного периода откровенно признают следующий факт. Для объяснения значения якобы древнегерманских корней большого количества немецких слов (например, один из основателей русской историографии А.Л. Шлецер производил славянское слово «дева» от германского «tiffe» — сука, а Г.З. Байер доказывал, что славянское имя Осмомысл — «мыслящий за осьмерых» или «имеющий на каждое дело восемь мнений» — произошло от шведского «osmak» — дурной, противный запах) они вынуждены изучать древнеславянский язык и применять его многочисленные диалекты и наречия.
- (3) В качестве примера достаточно вспомнить миссию небезызвестного иезуита Ан. Поссевино.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аракчеев В.А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. — М.: Древлехранилище, 2014.
- [2] Бовыкин В.В. Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI в. — СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014.

- [3] *Валянский С.И., Калюжный Д.В.* Другая история Руси. От Европы до Монголии. — М.: Вече, 2001.
- [4] *Валянский С.И., Калюжный Д.В.* Другая история Средневековья. От древности до Возрождения. — М.: Вече, 2004.
- [5] *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. — М., 1970.
- [6] *Демин В.Н.* Русь Летописная. — М.: Вече, 2002.
- [7] *Ельянов Е.М.* Иван Грозный — созидатель или разрушитель? Исследование проблемы субъективности интерпретаций в истории. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
- [8] *Еремян В.В.* Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству). — М.: Академический проект, 2005.
- [9] Иван Грозный. Государь / отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010.
- [10] *Калюжный Д.В., Кеслер Яр.А.* Другая история Московского царства. От основания Москвы до Раскола. — М.: Вече, 2003.
- [11] *Каррер д'Анкокс Э.* Евразийская империя: История Российской империи с 1552 года до наших дней / пер. с фр. А.А. Пешкова. — 2-е изд. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- [12] *Каррер д'Анкокс Э.* Незавершенная Россия / пер. с фр. М.Б. Ивановой. — 2-е изд. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- [13] *Квеннелы, Марджори и Чарльз Генрих Борн.* Повседневная жизнь в Англии во время англосаксов, викингов и норманнов / пер. с англ. Ковалева Т.В. — СПб.: Евразия, 2002.
- [14] *Ковалевский П.И.* Иван Грозный // Психиатрические эскизы из истории: В 2 т. — М.: Терра, 1995. — Т. 1.
- [15] *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. — СПб.: Алетейя, 2003.
- [16] *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. — М.: Факториал, 1997.
- [17] *Петухов Ю.Д.* Норманны. Русы Севера. — М.: Метагалактика, 2003.
- [18] *Петухов Ю.Д.* Русы Древнего Востока. — М.: Вече, 2003.
- [19] *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. — М.: Квадрига, 2015.
- [20] *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. — 1972. — № 89.

**DOUBLE STANDARD AS THE METHOD OF INTELLECTUAL
DISCOURSE (IS RUSSIA THE «OCCIDENTAL»
CIVILIZATIONS ANTIPODE?)
PART 2**

V.V. Eremyan, A.A. Klishas

The Department of Constitutional Law and Constitutional Proceedings
Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The complex analysis of modern world political reality in the context of consideration of an actual The article deals with the comparative legal analysis of trends more and more evident in works of foreign (mainly European and North American) scientists, whose non-critical estimations only exacerbate the systemic crisis in many spheres of public relations which significantly increases fundamental contradiction between the West and the East. Using the methods of historicism and comparativism, perma-

ment deepening stagnation of «Western» model of democracy (both socio-economic and political point of view), which for several centuries was the «locomotive» of Christian civilization, and than was replaced by ideological, ethical and religious surrogates of multiculturalism and tolerance, is stated. According to the authors, the paradox is that the crisis in the most important spheres of public and private law relations is determined by a number of factors arising from the process of liberalization of those areas of human activity, the taboo nature of which several decades ago did not cause any objections. Globalisation — as a system process — encouraged actualization of such a phenomenon as «legal imperialism» (as component of which «legal colonialism» should be considered), the answer to which has become a large-scale radicalization of terrorist organizations, religious fanaticism and nationalist extremism. Unfortunately, neither the Anglo-Saxon nor the continental law system (without mentioning international law), despite some positive trends, failed to adequately respond to the demands of the day, thus only strengthen the negative component of the «Western» civilizational paradigm. Apart from North Africa, it is most clearly manifested in the Ukraine, where the scientists, ignoring the theory and practice of the historical process, actively rewrite and edit historiography of «independent state», thereby seeking to justify the «relevance» of the February coup. That is supported by foreign researchers, who increasingly actualize mechanisms of this kind to justify Russophobic concepts and doctrines of anti-Russian. Not wanting to give up the practice of double standards, representatives of Western scientific thought continue to provide a powerful ideological pressure on those who have traditionally been associated with the so called electorate, in a majority superficially knowing the history of even their countries. Propaganda substitutes science, giving priority to a wide range of myths, presumptions and unfounded ascertainings which no one calls into question. Aim of the article is using the methodology of comparative legal analysis to show the falsity of the scientific and ideological stereotypes existing in foreign and domestic political science.

Key words: Russian Federation, «occidental» civilization, double standard, civil society, Russian uniqueness, comparativistics.

REFERENCES

- [1] *Arakcheev V.A.* Vlast' i «zemlja»: Pravitel'stvennaja politika v otnoshenii tjadlyh soslovij v Rossii vtoroj poloviny XVI — nachala XVII veka [Authority and «earth»: Government policy on the taxpaying estates in Russia in the second half of XVI — early XVII century]. — M.: Drevlehranilishhe, 2014.
- [2] *Bovykin V.V.* Russkaja zemlja i gosudarstvo v jepohu Ivana Groznogo: ocherki po istorii mestnogo samoupravlenija v XVI v. [Russian land and the state in the era of Ivan the Terrible: essays on the history of local government in the XVI century]. — SPb.: DMITRIJ BULANIN, 2014.
- [3] *Valjanskij S.I., Kaljuzhnyj D.V.* Drugaja istorija Rusi. Ot Evropy do Mongolii [Another history of Russia. From Europe to Mongolia]. — M.: Veche, 2001.
- [4] *Valjanskij S.I., Kaljuzhnyj D.V.* Drugaja istorija Srednevekov'ja. Ot drevnosti do Vozrozhdenija [Another history of the Middle Ages. From Antiquity to the Renaissance]. — M.: Veche, 2004.
- [5] *Gurevich A.Ja.* Problemy genезisa feodalizma v Zapadnoj Evrope [Problems of the genesis of feudalism in Western Europe]. — M., 1970.
- [6] *Demin V.N.* Rus' Letopisnaja [Chronicle of Russia]. — M.: Veche, 2002.
- [7] *El'janov E.M.* Ivan Groznyj — sozidatel' ili razrushitel'? Issledovanie problemy sub'ektivnosti interpretacij v istorii [Ivan the Terrible — the creator or destroyer? Study of the problem of subjectivity in the interpretation of history]. — M.: Editorial URSS, 2004.
- [8] *Eremjan V.V.* Municipal'naja istorija Rossii. Drevnjaja Rus' (ot obshhiny-roda k obshhinegosudarstvu) [Municipal history of Russia. Ancient Russia (from tribal community to state-community)]. — M.: Akademicheskij proekt, 2005.
- [9] *Ivan Groznyj. Gosudar'* [Ivan the Terrible. The Emperor]. — Ed. by O.A. Platonov. — M.: Institut russkoj civilizacii, 2010.

-
- [10] *Kaljuzhnyj D.V., Kesler Jar.A.* Drugaja istorija Moskovskogo carstva. Ot osnovanija Moskvy do Raskola [Another history of Muscovy. From the base of Moscow to the split]. — M.: Veche, 2003.
- [11] *Karrer d'Ankoss Je.* Evrazijskaja imperija: Istorija Rossijskoj imperii s 1552 goda do nashih dnei [Eurasian Empire: A History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. — Translated by A.A. Peshkova. — 2nd ed. — M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010.
- [12] *Karrer d'Ankoss Je.* Nezavershennaja Rossija [Incomplete Russia]. — Translated by M.B. Ivanova. — 2nd ed. — M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010.
- [13] *Kvennely, Mardzhor i Charl'z Genrih Born.* Povsednevnaia zhizn' v Anglii vo vremja anglosaksov, vikingov i normannov [Daily life in England during the Anglo-Saxons, Vikings and Normans]. — Translated by Kovaleva T.V. — SPb.: Evrazija, 2002.
- [14] *Kovalevskij P.I.* Ivan Groznyj [Ivan the Terrible] // Psihiatricheskie jeskiy iz istorii [Psychiatric sketches from history]. — Vol. 1. — M.: Terra, 1995.
- [15] *Kotljars N.F.* Diplomacija Juzhnoj Rusi [The diplomacy of South Russia]. — SPb.: Aletejja, 2003.
- [16] *Nosovskij G.V., Fomenko A.T.* Imperija. Rus', Turcija, Kitaj, Evropa, Egipet. Novaja matematičeskaja hronologija drevnosti [Empire. Russia, Turkey, China, Europe, Egypt. The new mathematical chronology of antiquity]. — M.: Faktorial, 1997.
- [17] *Petuhov Ju.D.* Normanny. Rusy Severa [Normans. The northern Russ]. — M.: Metagalaktika, 2003.
- [18] *Petuhov Ju.D.* Rusy Drevnego Vostoka [Rus of the ancient East]. — M.: Veche, 2003.
- [19] *Trepavlov V.V.* Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory [The steppe empires of Eurasia: the Mongols and the Tartars]. — M.: Kvadriga, 2015.
- [20] *Cherepnin L.V.* K voprosu o haraktere i forme Drevnerusskogo gosudarstva X — nachala XIII v. [On the issue of the nature and form of the ancient Russian state X — the beginning of XIII century] // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. — 1972. — № 89.